

УДК 001.8

ПРОБЛЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: МЕЖДУ ИДЕОЛОГИЕЙ И НАУКОЙ

А.А. Киреев

Киреев Антон Александрович – кандидат политических наук, доцент. Восточный институт – Школа региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, ул. Суханова, 8, Владивосток, Россия, 690950. E-mail: antalkir@yandex.ru.

В статье дается критический анализ либеральной версии политики преобразования российского социально-экономического пространства. Обращая внимание на доминирующую роль в ее структуре идеологического знания, автор предлагает изменить порядок отношений идеологии и науки в постановке и решении основных проблем региональной политики. В условиях стадийной гетерогенности российского пространства региональная наука должна взять на себя задачу определения пространственных пределов применимости различных идеологий его преобразования.

Социально-экономическое пространство, структура российского пространства, преобразование пространства, региональная политика, идеология, наука.

DOI: 10.14530/se.2015.3.016-033

ВВЕДЕНИЕ

Одни вопросы ставятся для того, чтобы найти решение. Другие – для того, чтобы заявить об уже решенном. Если условиться считать вопросы первого вида научными, а второго – идеологическими, то предмет настоящего полемического высказывания можно сформулировать следующим образом: какое место в деятельности по преобразованию социально-экономического пространства¹ занимают научные и идеологические вопросы и как они связаны в ней между собой.

© Киреев А.А., 2015

¹ Термины «социально-экономическое пространство» и «общественное (социальное) пространство» используются в тексте как синонимы. Под ними подразумевается совокупность всех форм практической (материальной) активности данной социальной системы (общества).

Обсуждаемая далее системная картина государственной политики преобразования социально-экономического пространства позволяет предположить, что в ее основе лежит, по-видимому, некая коллективная позиция (судя по публикациям последних лет [11; 13; 27])¹, более или менее определенный ценностный и методологический консенсус, объединяющий часть представителей, по меньшей мере, экономической и региональной науки². Этот консенсус в целом можно определить как либеральный.

Было бы, конечно, большим упрощением отождествлять этот либерализм с идеологией, используемой в современном отечественном политическом обиходе. В действительности речь идет о типе мировоззрения, который в разных исторических и региональных условиях может иметь различные формы идеологического выражения³. Однако независимо от конкретных идеологических, политических или научных экспликаций либерального мировоззрения, оно покоится на некоторых общих и устойчивых постулатах. Имея в виду научную область реализации этого мировоззрения, их можно было бы сформулировать следующим образом: 1) основной ценностью, центральным субъектом реальности (и объектом изучения) выступает человек (индивид); 2) природа индивида универсальна⁴; 3) общественные и естественные условия среды индивида качественно однородны, принципиально независимы от пространства и времени; 4) различия условий среды имеют количественный характер и измеримы в абсолютной системе отсчета; 5) обобщения измерений, сделанных в единой системе отсчета (модели, законы), обладают неограниченной применимостью.

ПОЛИТИКА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ

Сосредоточимся на основных составляющих либеральной версии политики преобразования социально-экономического пространства, на нескольких ключевых проблемах, которые последовательно ставятся и решаются в

¹ Непосредственным поводом к этому высказыванию послужила статья А.Н. Швецова [27]. Эта весьма содержательная работа дает наиболее полную и последовательную картину государственной политики преобразования социально-экономического пространства, а потому она особенно интересна с точки зрения взаимоотношений науки и идеологии.

² Термин «региональная наука» наделяется сегодня очень разным смыслом. В контексте данной работы под региональной наукой понимается исследование стихийных и управляемых форм организации (структурирования) национального общественного пространства.

³ Например, форму классического либерализма (все еще актуального для России) или неоконсерватизма и неолиберализма (значимых, главным образом, для современного Запада).

⁴ Она выражена в категории «экономического человека», т. е., по сути, рационально мыслящего европейца эпохи Модерна [9, с. 83–84; 25, с. 93–181].

процессе ее планирования. В наиболее полном виде перечень этих составляющих можно представить следующим образом¹:

- *бенефициар* (конечный «заказчик» преобразований);
- *стратегическая цель* (долгосрочная, историческая цель «заказчика»);
- *субъект* (основной исполнитель «заказа»);
- предмет (сфера действий субъекта);
- интересы и цели (конкретные задачи – групповые, отраслевые, региональные, – которыми руководствуется субъект);
- возможности (ресурсы в распоряжении субъекта);
- *институты* (состав и структура органов, образующих субъект);
- инструменты (средства и методы осуществления преобразований);
- объекты (элементы и сегменты пространства, на которые целенаправленно воздействует субъект).

Исходная проблема, с решения которой должно начинаться выстраивание любой политики, связана с бенефициаром, конечным «заказчиком» преобразований социально-экономического пространства страны. Подчеркивая, что в этой роли в России традиционно выступает государство, либеральный подход оценивает такое положение вещей как неприемлемое. Бенефициаром всех пространственных трансформаций должно являться общество [27, с. 39–40, 48–49]. При этом квинтэссенцией общества, в точном соответствии с либеральным мировоззрением, выступают «агенты рынка», «бизнес» [27, с. 41, 51, 58]. Необходимо отметить, что агентоцентрическая трактовка одного из двух основных полюсов процесса пространственных преобразований далеко не равнозначна так называемому «методологическому индивидуализму». Агентоцентризм как ценностная (идеологическая) позиция отнюдь не мешает многим представителям современного обществознания отдавать приоритет методологическому системоцентризму в решении научных задач.

Стратегическая цель преобразований социально-экономического пространства России в их либеральной интерпретации, по существу, отождествляется с «модернизацией» [27, с. 38, 40]. Поскольку в современном российском научном и политическом обиходе смысл этой категории крайне размыт, следует заметить, что понимание модернизации как догоняющего развития, которому органически присущи форсированные темпы, а следовательно – решающая, мобилизующая роль государства, в данном случае принципиально исключается. Догоняющей модернизации, которая пронизывает российскую историю со времен Петра и превратилась в стереотип, реализуемый отечественной элитой и бюрократией, невзирая на меняющиеся общественные условия, про-

¹ Основная часть этого перечня, представленная в работе [27, с. 48], приводится с некоторыми дополнениями и изменениями (выделены курсивом). Дополнения взяты из других частей текста [27], а изменения связаны с заменой авторских терминов на более краткие.

тивопоставляется некая иная ее модель, способная «отвечать на новые вызовы» [27, с. 43], модель, которую можно было бы назвать адаптивной.

Суть этих «новых вызовов», требующих перехода России к адаптивной модернизации, состоит в «основном противоречии пространственной организации». Это противоречие заключается в кардинальном несоответствии нынешней, государственно-плановой в своей основе, пространственной организации России тому состоянию общественной системы страны, которое возникло в результате «формационного поворота» 1990-х гг., сделанного в это время «принципиального политико-экономического выбора» в пользу «рынка» (т. е. либерального капитализма) [27, с. 39, 44–45]. Именно в адаптации к этому новому состоянию российского общества, а не в погоне за внешнеполитическими конкурентами (в лице Европы и Америки), либеральный подход усматривает подлинную стратегическую цель постсоветской модернизации отечественного пространства и одновременно свидетельство ее качественного отличия от прежнего «стереотипного» механизма пространственного развития.

Предлагаемые решения проблем «заказчика» и стратегической цели современных пространственных преобразований в России предвосхищают ответы на вопросы об основном субъекте-исполнителе этих преобразований и тех конкретных интересах и целях, которыми он должен руководствоваться. Ключевая коллизия в вопросе о субъекте состоит в том, что на эту роль могут претендовать как государство, так и «бизнес»¹. Признавая невозможность трансформации российского пространства без активного государственного участия, сторонники либеральной политики не считают, что власть может односторонне устанавливать ориентиры для бизнеса. Оптимальной моделью их отношений является «государственно-частное партнерство», причем частный капитал в этом партнерстве должен обладать «определяющим влиянием» [27, с. 51–52].

Постановка вопроса об интересах и целях постсоветских пространственных преобразований ведет к обнаружению в них еще более специализированных противоречий. При более детальном рассмотрении «бизнес» дифференцируется на два типа рыночных агентов: тесно связанные (и даже «сросшиеся») с государственной властью крупные бизнес-структуры и «равноудаленные от государства», т. е. в полном смысле слова частные. Именно лоббистские усилия первых задают конкретные цели государственной пространственной политики, вызывают к жизни различные «имиджевые» и затратные мегапроекты, не выражающие потребностей общества в целом и не приносящие ему, в конечном счете, выгод. Оторванность текущих целей ре-

¹ В роли возможного субъекта в статье вскользь упоминаются и «регионы», но их «саморазвитие» тут же отождествляется с «интересами крупного бизнеса» [27, с. 58].

гиональной политики от «общегосударственных интересов»¹ проявляет себя и в неспособности выстроить их в перспективе приближения к долгосрочной стратегической цели. Государственные решения в этой сфере импульсивны, продиктованы «политической целесообразностью», под которой, по всей видимости, подразумеваются случайные исходы кулуарной внутриэлитарной борьбы [27, с. 48–52].

Неопределенность интересов и целей, стоящих за происходящими преобразованиями пространства России, напрямую обуславливает невозможность решения проблемы выбора в нем объектов, воздействие на которые дало бы «наибольший общественный эффект». Сегодня, как и в советскую эпоху, такими объектами государственной политики выступают различные макро-региональные образования, включая федеральные округа, проектируемые правительством макроэкономические зоны и «целевые территории» (такие как «арктическая зона» и «территория Сибири и Дальнего Востока»). Однако лучшим решением данной проблемы, с либеральной точки зрения, была бы фокусировка внимания государства на локалитетах муниципального уровня (в первую очередь, городских агломерациях), инновационный потенциал которых наиболее значим для развития экономики страны в направлении постиндустриального уклада [27, с. 52–54]. Характерно, что при этом подчеркивается необходимость переключения государственной политики на муниципалитеты вообще, без уточнения их географической принадлежности. Исходя из этого, ожидаемое в результате такого шага ускорение перехода к постиндустриальному укладу также, по-видимому, должно стать повсеместным или, по крайней мере, охватывающим все городские поселения страны.

Анализ представленных выше проблем политики преобразования социально-экономического пространства России исчерпывает собой основное содержание ее вкратце реконструированной нами либеральной версии. Остальные составляющие этой политики занимают в ней гораздо более скромное место. Так, предмет преобразовательной деятельности и возможности, которыми в ней располагает государство, в выделенной нами работе лишь едва упомянуты. Что же касается институтов и инструментов преобразований, то связь фиксируемых в этих областях проблем с рассмотренными ранее только констатируется. Фактически же проблемы координации институтов управления пространственным развитием и выбора его эффективных инструментов формулируются в иной, не идеологической, а научной логике: в обоих случаях — и в организационном дизайне, и в оценке территориальных инвестиционных проектов — суть проблем видится в несоблюдении требований системной методологии.

¹ Под «общегосударственными интересами» в их должном виде в статье понимаются общественные интересы, т. е., прежде всего, интересы «агентов рынка».

СВЯЗИ ИДЕОЛОГИИ И НАУКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРЕОБРАЗОВАНИЮ ПРОСТРАНСТВА

Каждая из поднимаемых либеральным подходом к трансформации российского пространства проблем принадлежит к категории фундаментальных для региональной науки и, безусловно, достойна специального изучения. Собственно, по отдельности эти проблемы уже неоднократно ставились в региональных исследованиях и, вероятно, еще очень долго не потеряют своей актуальности. Однако более важным, на наш взгляд, чем сами эти проблемы, являются порядок их отношений, логическая структура деятельности (политики) по преобразованию социально-экономического пространства и в особенности тот способ, которым в ней соединяются идеологическое и научное знание [27].

Несмотря на некоторые отступления и оговорки, описанная либеральная версия политики преобразования пространства в постановке и решении его проблем придерживается порядка, который можно определить как дедуктивный и прямой (однонаправленный). Исходным пунктом всех рассуждений выступает идея о состоявшемся общенациональном идеологическом выборе (в пользу рыночного, капиталистического общества), из которой выводится затем цепочка других, более конкретных выборов (заказчика преобразований, стратегической цели, исполнителя и т. д.), приводящая в итоге к социально-экономическому пространству, в котором выбираются вполне определенные объекты преобразующего воздействия. В такой структуре преобразовательного процесса социально-экономическое пространство России выступает в основном как пассивная сторона, как качественно однородное по своим характеристикам поле для политико-идеологического творчества.

Следует заметить, что, отталкиваясь от уже упомянутых постулатов, и либеральная (неоконсервативная) экономическая теория, и однокоренная с ней региональная теория оперируют умозрительным пространством, которое если не полностью очищено от физико- и социально-географических свойств, то в такой степени нивелировано по этим свойствам, что в любого рода проектировании оно оказывается неким остаточным фактором, вносящим в итоговый результат лишь незначительную и чисто количественную вариативность [5; 6, с. 54, 61–62; 14, с. 27–32, 117–126]. Возможно, что такой подход отражает (или отражал) национальные и исторические реалии ряда западноевропейских стран, бывших некогда колыбелью классического либерализма. Весьма вероятно также, что представление в этих странах пространства в виде такого рода абстракции стало возможным именно потому, что его реальные, эмпирические характеристики в идеальной форме уже заложены в основные постулаты сформировавшейся в условиях этого пространства либеральной идеологии.

Но в таком случае, правомерно ли считать данную концепцию пространства общезначимой, наднациональной и надисторической¹?

Концептуализация опыта стран Западной Европы и США до сих пор остается доминирующим направлением развития мировой экономической науки. Однако с 1970-х гг. в роли оппонента ее мейнстрима успешно выступает неоинституционализм (новая институциональная экономическая теория) [18; 25]. Вслед за другими течениями неклассической науки он открывает для экономики относительность ее времени и пространства, гетерогенность их свойств. Несмотря на то, что эта гетерогенность трактуется довольно узко, прежде всего, как различие национальных формальных и неформальных правил социально-экономической интеракции, значение неоинституционального подхода для парадигмального обновления экономических исследований исключительно велико. Ведь после признания индустриальных рыночных обществ Запада не эталоном, а лишь частным случаем, вариантом экономического развития, закономерно должны быть поставлены вопросы о диапазоне вариативности этого развития в мире, факторах, ее обуславливающих, и, в конечном счете, — о теориях незападных экономик [2, с. 47; 9; 20].

По существу, о том же, что и неоинституциональный подход, в более отвлеченных терминах говорят и методологические принципы системного анализа. Одним из основных положений системного анализа служит принцип обратной связи, исходящий из презумпции активности, внутренне обусловленной динамики объекта изучения и управления [26]. Соответственно, управление объектом с необходимостью является двусторонним, взаимным процессом, в ходе осуществления которого меняется и управляющий субъект, его цели, задачи, методы и т. д. В управленческом взаимодействии сложных систем система-субъект, по существу, может претендовать только на иницилирующую (ведущую и опережающую) роль, но не на свободу от обратного воздействия со стороны объекта. Таким образом, структура деятельности по преобразованию социально-экономического пространства (даже в предельно абстрактном описании) должна включать в себя комплекс не только прямых, но и обратных связей между пространством и преобразующим его субъектом, которые бы уравновешивали активность субъекта за счет постоянной корректировки идеологического образа объекта. Из принципа обратной связи с очевидностью следует, что эффективная идеология пространственных преобразований не может

¹ Речь идет, конечно, не об отрицании возможности общезначимых концепций пространства как таковых. Однако их нельзя получить путем простого переноса или распространения концепций, созданных на конкретном национальном (региональном) материале. До тех пор, пока не дана эмпирическая оценка степени разнородности мирового пространства и не установлены пределы его качественного единства, ни одна теоретическая модель пространственных систем в экономике или регионоведении не может рассматриваться в качестве наднациональной и за пределами «страны (региона) происхождения» должна использоваться только как гипотеза.

не быть национальной. Даже если идеологическая доктрина импортируется, в процессе своего управленческого использования она должна быть адаптирована к структурным условиям данного национального пространства¹.

Однако действительно ли российское общественное пространство качественно отличается от соответствующего пространства, скажем, Англии и Франции, где в период с конца XVII до середины XIX в. и сформировался классический либерализм? И достаточны ли эти отличия для того, чтобы трансформировать (при работающем механизме обратной связи) предлагаемую либеральную платформу пространственных преобразований в России в какую-то иную, специфически российскую, идеологию? Эти вопросы на порядок сложнее обсуждавшихся до сих пор, поскольку они могут быть решены (точнее, могут непрерывно, итеративно решаться) только на базе эмпирических исследований. Они предполагают смену идеологической перспективы рассмотрения преобразовательной деятельности на научную, на обратное, индуктивное, восхождение от ее объекта к ее субъекту. При этом должна осуществляться не только верификация (или фальсификация) идеологии через эмпирическую проверку дедуцированных из нее конкретных социально-экономических проектов², но и сопоставление нормативной идеологической модели пространства как целостной системы с уже обобщенным теоретическим описанием его наличной системной организации для оценки их изоморфности и определения возможных пределов управленческого воздействия.

ГЕТЕРОГЕННОСТЬ РОССИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В НАУКЕ И ИДЕОЛОГИИ

Автору неизвестны исследования, которые бы прямо ставили перед собой задачу систематического сопоставления тех или иных идеологий пространственных преобразований с теоретическими описаниями социально-экономического пространства России. В то же время общим местом многих публикаций по разным дисциплинам, обсуждающих вопросы региональной политики, стал тезис о необходимости отражения в этой политике высокой степени гетерогенности российского пространства [3, с. 209–210; 12, с. 221–224; 14, с. 232–239; 19, с. 140; 21, с. 45–46; 22, с. 65–67; 23, с. 549]. При этом смысл этой гетерогенности обычно остается неопределенно широким. В тех же немногочисленных работах, где неоднородность пространства России подвергается специальному анализу, в нем используются такие разные кате-

¹ Подобное перерождение (обрусение) постигло пришедшие в Россию из Европы либерализм и марксизм, когда они (первый в XIX в., а второй в XX в.) из умозрительных доктрин стали движущими силами государственной политики.

² Ограниченность этой проверки связана в том числе с тем, что ее критерии (например, прибыльность) обычно берутся из самой идеологии.

гории, как «социально-экономический тип региона» [24], «технологический уклад» [15], «хозяйственный уклад» [7], «уклад экономической деятельности» [8], «формация» [17], границы и соотношение которых остаются неясными.

Различные способы описания дифференциации российского социально-экономического пространства позволяют выявить три основных уровня дифференциации:

1) конъюнктурный уровень – география текущих уровней развития региональных подсистем¹ общества, в качестве которых чаще всего фигурируют субъекты РФ, выражаемых в статистических индикаторах (ВРП, уровень жизни и т. п.), как дифференциация кратко- и среднесрочных социально-экономических условий их динамики и управления ею;

2) стадийный уровень – география технико-технологических укладов и формаций как дифференциация долгосрочных общественных условий социально-экономического развития;

3) эколого-хозяйственный уровень – ландшафтно-климатическая поясность как дифференциация инерционных природных условий хозяйствования и всех форм жизнедеятельности на территории страны.

Три названных уровня (формы) дифференциации российского пространства, связанные, безусловно, многими взаимными зависимостями², вместе с тем обладают относительной автономией (собственной структурой, динамикой и закономерностями) и не совпадают по конфигурациям. Причем, если на конъюнктурном уровне дифференциация пространства непосредственно выражает себя в виде количественных различий (скрадывающих качественные рубежи), то на стадийном и эколого-хозяйственном уровнях преобладают качественные характеристики, которые трудно проследить через показатели официальной статистики. Сосредоточенность современной российской экономической и региональной науки главным образом на конъюнктурном уровне своего объекта и его количественном образе, несомненно, способствует значительной недооценке объективной гетерогенности пространства России и чрезмерно широкому использованию его либеральных моделей³.

¹ Под региональной системой (регионом) в данном случае понимается совокупность взаимодействий и потоков ресурсов (факторов общественного производства), устойчиво (функционально) связанных в пространственно локализованный воспроизводственный цикл.

² Генетическими (историческими), функциональными (воспроизводственными) и управленческими.

³ Показательно, что изучением проблем на конъюнктурном уровне занимаются даже те исследователи, которые явно не разделяют либеральных воззрений на экономику и региональную политику. Фактически к этому подталкивает нынешнее состояние эмпирической, т. е. прежде всего статистической, базы науки. Так, авторы книги «Государственно-территориальное устройство России: реформирование регионального уровня», заявив о необходимости учета при группировке регионов РФ параметров природных условий и географического положения, на деле ограничиваются в ней более доступными показателями ВРП на душу населения, уровня бедности и т. п. [4, с. 106–117].

Конечно, при достаточно детальном анализе социально-экономического пространства таких стран, как Англия или Франция, в нем также можно зафиксировать дифференциацию по трем упомянутым уровням¹. Однако в обоих случаях диапазоны качественной и количественной вариации ландшафтно-климатических поясов, «стадиальных зон» и «конъюнктурных регионов» намного уже российских, а их взаимоналожение соответственно дает значительно меньший спектр межуровневых комбинаций. Кроме того, для каждого уровня дифференциации в этих странах характерно наличие одного доминирующего типа пространства, межуровневые зависимости между которыми формируют своего рода «основной массив», чьи типологические особенности определяют общий облик национального пространства. Степень же внутриуровневой и особенно межуровневой мозаичности российского пространства делает возможность выявления такого консолидирующего «основного массива» призрачной.

Различия в степени гетерогенности (в особенности межуровневой) национальных пространств тесно связаны с возможностями их идеологического описания и проектирования. Если в вышеназванных западноевропейских государствах (и других странах, в пространстве которых выделяется «основной массив») описание и преобразование национального пространства может эффективно осуществляться в рамках одной идеологии², то в России (и других странах, определенно лишенных «основного массива», например в Китае), это объективно невозможно.

Очевидно, что должное состояние управляемой системы зависимо от ее наличного состояния. Цели управления развитием пространства не могут не быть обусловлены его предданными целеполаганию особенностями. Существование целого ряда программ и стратегий развития отдельных регионов говорит о том, что в отношении особенностей пространства на конъюнктурном уровне этот принцип утвердился в управленческой практике достаточно прочно. Значительно менее он осознан, а тем более формализован, в отношении стадиального и эколого-хозяйственного уровней пространства России. Между тем, именно на этих уровнях качественные различия в структуре национального пространства наиболее выражены. Именно здесь цели пространственных преобразований должны приобрести наиболее долгосрочный и комплексный характер, т. е. принять форму субнациональных идеологий. Фактически процесс их формирования, хотя и с очень разным успехом, идет уже давно. В частности, формой репрезентации стадиальной и эколого-хо-

¹ В частности, имеющая ландшафтную основу территориальная многоукладность западноевропейского сельского хозяйства и в XX в. не была вполне стерта унифицирующим влиянием «аграрного капитализма» [16, с. 17].

² По крайней мере, одновременно, в пределах каждого отдельного политического цикла.

заявленной неоднородности страны стали процессы федерализации, идеологического, институционального и правового творчества политических элит субъектов РФ, начавшиеся в 1990-е гг. и подспудно продолжающиеся до сих пор. О том, насколько сложна сформировавшаяся на сегодня, несмотря на сдерживающее влияние федерального центра, политико-географическая структура России, дают представление многочисленные типологии региональных политических режимов и идеологий [1].

Наименее изученными в настоящее время остаются вопросы связи между различными уровнями общественного пространства страны, в т. ч. его политической и неполитической гетерогенностью. Эту обширную и сложную проблему можно предварительно охарактеризовать на примере зависимости между субнациональными идеологиями и стадийной дифференциацией национального пространства России. Для описания последней будут использоваться такие понятия, как «техничко-технологический уклад», «формация» и «вариант формации». Под технико-технологическим укладом понимается комплекс применяемых в данном пространстве технических средств и технологических процессов, определяющий ведущий фактор и пределы продуктивности производства. Ведущий, наиболее высокопроизводительный фактор производства обуславливает оптимальную форму его внутренней организации, так же как пределы продуктивности производства задают рамки возможного в организации распределения и обмена. Оптимальный при данном технико-технологическом укладе тип организационно-экономических отношений в сфере производства, распределения и обмена будем называть «формацией». Являясь объективно заданным, или, по крайней мере, ограниченным, лежащим в его основании укладом, тип организационно-экономических отношений, вместе с тем, допускает различные варианты присвоения произведенного продукта. То, какой субъект обладает в условиях данного типа организационно-экономических отношений фактическим внеэкономическим контролем (в форме права собственности или власти) над ними и возможностью присвоения большей части произведенного продукта, составляет содержание понятия «вариант формации».

В настоящее время на территории России сосуществуют, по крайней мере, три технико-технологических уклада: 1) постиндустриальный (крупнейшие городские агломерации, а также «наукограды»); 2) индустриальный (главная полоса расселения и ряд ТПК Сибири и Дальнего Востока за ее пределами); 3) аграрный (большая часть территории страны и, прежде всего, так называемые «северные районы»)¹. Учитывая тесную, хотя и не прямую, связь техники и технологий с организацией производства, распределения и обмена, этим

¹ Имея в виду анклав традиционного хозяйствования коренных малочисленных народов Севера, вероятно, можно говорить о сохранении и четвертого — доаграрного — уклада.

трем укладам можно сопоставить соответственно посткапиталистическую, капиталистическую и докапиталистическую¹ формации. Поскольку один и тот же тип организации производства, распределения и обмена может находиться под контролем различных субъектов, то каждая из перечисленных формаций потенциально способна предстать в трех основных вариантах: «государственном», «корпоративном» и «частном». Эти варианты также могут синхронно сосуществовать в пределах одного национального пространства, воплощаясь в различных территориальных неформальных (политико-культурных) и формальных (политико-правовых) режимах (в масштабах от локальной специальной экономической зоны до целого региона).

Так как субъекты контроля над производством, распределением и обменом имеют преимущество в политической артикуляции и реализации своих интересов, то варианты формаций могут быть достаточно однозначно связаны с определенными идеологиями, имплицитно содержащими в себе образы наличного и должного пространственных состояний общества. Связи технико-технологических укладов и вариантов формаций с выражающими их политическими идеологиями представлены в таблице.

Таблица

**Связи стадияльной дифференциации российского пространства
и политических идеологий**

Технико-технологический уклад	Вариант формации	Политическая идеология
Постиндустриальный	Государственный посткапитализм	Культурный (цивилизационный) консерватизм
	Корпоративный посткапитализм	Социал-демократизм (транснациональный социализм)
	Частный посткапитализм	Неолиберализм (космополитический либерализм)
Индустриальный	Государственный капитализм	Классический (национально-государственный) консерватизм
	Корпоративный капитализм	Классический (классовый) социализм
	Частный капитализм	Классический (национально-гражданский) либерализм
Аграрный (доиндустриальный)	Государственный докапитализм	Монархический (аристократический) протоконсерватизм
	Корпоративный докапитализм	Общинный (крестьянский) протосоциализм
	Частный докапитализм	Городской (торгово-ремесленный) протолиберализм

Источник: составлено автором.

¹ В первом приближении названным формациям соответствуют планово-регулируемый, рыночный и натуральный типы организации экономики.

Безусловно, нельзя утверждать, что весь представленный в таблице спектр возможных вариантов формаций и политических идеологий актуально присутствует в современном российском пространстве. Конкретную степень и состав его дифференциации можно установить только в ходе эмпирических исследований. Учитывая мощное сглаживающее и подавляющее воздействие центральной государственной власти, многие формы организации социально-экономических отношений и идеологические ориентации, сегодня, как и в периоды предшествующих «централизаций», могут существовать только в «теневых» формах и на локальном уровне¹. Наиболее полно и открыто латентная стадияльная и идеологическая гетерогенность России проявляет себя в эпохи кризиса государственности, подобные тем, что в XX в. пришлось на 1917–1922 и 1991–1999 гг.

Предлагаемая схема отражает структурную неоднородность российского пространства очень упрощенно и только в его стадияльном аспекте. Но и она показывает, насколько смелыми являются упования на то, что сделанный в 1990-е гг. принципиальный выбор в пользу «свободного рынка»² мог иметь общенациональную значимость. Разумеется, политическая элита может продекларировать любую идеологию и предпринять самые энергичные действия по приведению в соответствие с нею всего социально-экономического пространства страны. Однако при этом ей придется иметь дело не с его умо-зрительным образом и даже не с пространством социально-экономических интеракций и ресурсных потоков, но с пространством разных технико-технологических укладов и формаций, в основании которого лежит еще более косный – эколого-хозяйственный – субстрат. В этих условиях осуществить форсированную либеральную трансформацию пространства России можно, с одной стороны, только ценой массивного принуждения, ломки структур общества и природы, а с другой – перерождения и внутренней фрагментации самой «рыночной идеологии». И то и другое уже происходило с марксизмом³, который после серии грандиозных и во многом насильственных унифицирующих экспериментов фактически распался на ряд далеких от ортодоксального канона гибридов, адаптированных к культурным тради-

¹ В этом плане было бы интересно проследить связь, например, между политической историей России и эволюцией форм и масштабов докапиталистических (общинных и рабовладельческих) отношений на Северном Кавказе.

² В таблице ему соответствуют индустриальный частный капитализм и классический либерализм.

³ В Европе марксистская доктрина также претерпела значительную трансформацию. Однако если в европейских условиях она дала начало классическому (оппортунистическому) социализму, нацеленному на постепенное расширение участия трудящихся в управлении производством и распределением в рамках капитализма, то в России марксизм превратился в идеологию ускоренной модернизации, проводимой государством и (как оказалось!) в интересах государства, т. е., по сути, приобрел черты классического консерватизма (национал-большевизма).

циям и социально-экономическим практикам различных регионов СССР — от слишком продвинутой для него Прибалтики до глубоко архаичного и не дотягивавшего до высоких идеологических стандартов «советского Востока» [10, с. 198–234].

Роль науки собственно и состоит в том, чтобы предотвратить расточительные и, в конечном счете, бесплодные попытки какой бы то ни было идеологии проигнорировать пределы объективно возможного, в том, чтобы очертить оптимальные границы для ее преобразовательных устремлений. В случае России это предполагает упреждающее (а не экспертно-сопровождающее!) проведение систематических исследований всех основных уровней дифференциации национального пространства и его сплошную структурную типологизацию (районирование). Результатом этих исследований должен стать своего рода кадастр межуровневых общественно-природных регионов страны, с паспортизацией типических свойств, эффектов и закономерностей функционирования их пространственных структур. Такой кадастр мог бы послужить не только прикладным средством отбора региональных политик, методом определения адекватных конкретному типу пространства состава и структуры преобразовательной деятельности — от региональных бенефициаров и стратегических целей до инструментов и объектов. Сведенный в предельно обобщенную теоретическую типологию российских субпространств, он мог бы стать внутренним логическим каркасом для национальной метаидеологии как пространственно организованной системы региональных идеологий. В рамках такой метаидеологии общий вопрос о роли государства в преобразовании российского пространства должен быть переформулирован в проблему реконструкции необходимого набора, репертуара государственных ролей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение подчеркнем, что все вышесказанное не является ни инвективой в адрес какой-либо идеологии (включая либеральную), ни призывом к замене идеологического знания научным. В качестве выразителя воли коллективного субъекта идеология также незаменима, как наука — в роли герольда объективной необходимости. Существует круг вопросов, которые в принципе не могут быть решены исключительно научными средствами. И, по-видимому, главный из них для России заключается в установлении оснований единства национального пространства.

Единство гетерогенного российского пространства в его настоящих границах, конечно, не заложено в нем самом. Безусловно, оно не может пониматься и как простое «выравнивание», в равной мере и недостижимое,

и бесплодное для развития страны в целом. Скорее, речь идет об искусстве выстраивания и поддержания сложной системы балансов (взаимных обязательств) не только неизбежно неравных, но и качественно разных субпространств. Эта система балансов должна быть основана на политически регулируемом межрегиональном обмене сравнительными преимуществами, причем преимуществами не только в обеспеченности факторами производства, но всей совокупностью общественных благ. Суть политического (федеративного) регулирования состоит в гарантировании таких справедливых условий обмена, при которых региональные различия служили бы интересам интеграции и развития национальной системы.

Однако для того, чтобы справедливый межрегиональный обмен был возможен, объективная гетерогенность пространства России должна быть выявлена и представлена в виде «кадастра» региональных преимуществ и ограничений. Есть только два основных способа такого представительства. Первый – политическая артикуляция регионального разнообразия – был апробирован в 1990-е гг. и по ряду причин привел к противостоянию федеральной и региональных идеологий, к движению в направлении дезинтеграции страны. Учитывая этот негативный опыт, полномасштабное возвращение к такому способу в ближайшем будущем маловероятно. Второй – артикуляция региональной структуры национального пространства посредством науки. Сегодня именно она способна уравновесить гиперцентрализованную государственную политику (какой бы идеологией она ни руководствовалась) и, указав на структурные ограничения нивелирующих преобразований, сформулировать условия возможности единства российского пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.В. Региональные политические режимы в системе властных отношений: проблемы типологии // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 4. С. 62–73.
2. Бессонова О.Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1999. 152 с.
3. Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 216 с.
4. Государственно-территориальное устройство России: реформирование регионального уровня / под ред. В.И. Гришина, В.В. Кистанова. М.: Финансы и статистика, 2007. 288 с.
5. Изотов Д.А. Новая экономическая география: границы возможностей // Пространственная экономика. 2013. № 3. С. 123–160. DOI: 10.14530/se.2013.3.123-160.
6. Исаченко А.Г. Теория и методология географической науки. М.: Академия, 2004. 400 с.
7. Канцеров Р.А. Многоукладность российской экономики в период перехода к рынку: поляризация регионов и хозяйственных укладов // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 2. Ч. 2. С. 110–116.

8. *Кетова Н.П., Овчинников В.Н.* Институты развития в многоукладных экономиках периферийных регионов // Проблемы прогнозирования. 2014. № 2. С. 68–76.
9. *Колтаков В.А.* Экономическая теория в поисках новой парадигмы // Гуманитарные науки: теория и методология. 2008. № 1. С. 79–88.
10. *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М.: Логос, 2004. 272 с.
11. *Кузнецова О.В.* Федеральная региональная политика: об идеологии и институтах // Российский экономический журнал. 2013. № 1. С. 32–51.
12. *Курнышев В.В., Глушкова В.Г.* Региональная экономика. Основы теории и методы исследования. М.: КНОРУС, 2011. 272 с.
13. *Лексин В.* Либеральная Россия как реальность // Российский экономический журнал. 2010. № 1. С. 41–65.
14. *Минакир П.А., Демьяненко А.Н.* Очерки по пространственной экономике. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.
15. *Москвина О.С.* Определение уровня технологического уклада в экономике региона // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. 2010. № 2 (183). Вып. 23. С. 52–58.
16. *Наумов А.* Районная парадигма в географии мирового сельского хозяйства: история и современность // Региональные исследования. 2015. Т. 2. С. 15–25.
17. *Новиков Д.В.* Современная Россия как общество периферийного типа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 10. Ч. 1. С. 126–131.
18. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
19. Основы регионоведения / под ред. И.Н. Барыгина. М.: Гардарики, 2007. 399 с.
20. *Радаев В.В.* Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 3. С. 5–26.
21. *Романов М.Т.* Территориальное устройство хозяйства и населения на российском Дальнем Востоке. Владивосток: Дальнаука, 2004. 232 с.
22. *Скуфына Т.П.* Социально-экономическая дифференциация пространства: противоречия теории и практики регулирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 6. С. 60–68.
23. *Туровский Р.Ф.* Политическая регионалистика. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 780 с.
24. *Ходачек В.М.* Трансформация территориальной организации народного хозяйства // Управленческое консультирование. 2009. № 3. С. 137–153.
25. *Ходжсон Дж.* Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003. 464 с.
26. *Шабров О.Ф.* Политическое управление: проблема стабильности и развития. М.: Интеллект, 1997. 200 с.
27. *Швецов А.Н.* Роль государства в преобразовании социально-экономического пространства // Пространственная экономика. 2015. № 1. С. 38–61. DOI: 10.14530/se.2015.1.038-061.

PROBLEMS OF TRANSFORMATION OF THE SOCIO-ECONOMIC SPACE: BETWEEN IDEOLOGY AND SCIENCE

A.A. Kireev

Kireev Anton Aleksandrovich – PhD in Political Sciences, Associate Professor. Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, 8 Sukhanova Street, Vladivostok, Russia, 690950. E-mail: antalkir@yandex.ru.

The article gives a critical analysis of liberal version of the transformation policy of the Russian socio-economic space. The study also describes main components of the transformation policy. Paying attention to the dominant role of ideological knowledge in its structure, the author proposes to change the relationship of ideology and science in the formulation and solution of basic problems of regional policy. The essence of the political (federal) regulation is to ensure such equitable terms of exchange, in which regional differences would serve the purpose of integration and development of the national system. However, in order to ensure equitable interregional exchange, the objective heterogeneity of the Russia's space should be identified and presented in the form of «inventory» of regional advantages and limitations. In terms of heterogeneity of the Russia's space regional science needs to determine the spatial limits of applicability of different transformation ideologies, trim hyper centralized public policy (irrespective of used ideology), and, pointing to the structural constraints of grading transformations, formulate the terms of possible unity of the Russia's space.

Keywords: socio-economic space, structure of the Russia's space, transformation of space, regional politics, ideology, science.

REFERENCES

1. Baranov A.V. Regional Political Regimes of Russia in the System of Power Relations: Problems of Typology. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie – Human. Community. Management*, 2012, no. 4, pp. 62–73. (In Russian).
2. Bessonova O.E. *Razdatok: Institutional Theory of Economic Development of Russia*. Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS, 1999, 152 p. (In Russian).
3. Vardomskiy L.B. *Russian Borderline in the Conditions of Globalization*. Moscow, 2009, 216 p. (In Russian).
4. *State-Territorial Structure of Russia: Reform of the Regional Level*. Edited by V.I. Grishin, V.V. Kistanov. Moscow, 2007, 288 p. (In Russian).
5. Izotov D.A. New Economic Geography: the Possibilities and Restrictions. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2013, no. 3, pp. 123–160. DOI: 10.14530/se.2013.3.123-160. (In Russian).
6. Isachenko A.G. *Theory and Methodology of Geographical Science*. Moscow, 2004, 400 p. (In Russian).
7. Kantserov R.A. Multistructural Nature of the Russian Economy in the Period of Transition to the Market: Polarization of Regions and Economic Structures. *Ekonomicheskiy Vestnik Rostovskogo Gosudarstvennogo Universiteta – Economic Herald of Rostov State University*, 2007, vol. 5, no. 2, part 2, pp. 110–116. (In Russian).
8. Ketova N.P., Ovchinnikov V.N. Development Institutions in Multistructural Economies of Peripheral Regions. *Problemy Prognozirovaniya – Studies on Russian Economic Development*, 2014, no. 2, pp. 68–76. (In Russian).

9. Kolpakov V.A. Economic Theory in Search of a New Paradigm. *Gumanitarnye Nauki: Teoriya i Metodologiya* [Humanities: theory and methodology], 2008, no. 1, pp. 79–88. (In Russian).
10. Kradin N.N. *Political Anthropology*. Moscow, 2004, 272 p. (In Russian).
11. Kuznetsova O.V. The Federal Policy in Regions: About the Ideology and Institutions. *Rossiyskiy Ekonomicheskiy Zhurnal – Russian Economic Journal*, 2013, no. 1, pp. 32–51. (In Russian).
12. Kurnyshev V.V., Glushkova V.G. *Regional Economy. Basic Theory and Research Methods*. Moscow, 2011, 272 p. (In Russian).
13. Leksin V. Liberal Russia as a Reality. *Rossiyskiy Ekonomicheskiy Zhurnal – Russian Economic Journal*, 2010, no. 1, pp. 41–65. (In Russian).
14. Minakir P.A., Demyanenko A.N. *Essays on Spatial Economics*. Khabarovsk: Economic Research Institute FEB RAS, 2014, 272 p. (In Russian).
15. Moskvina O.S. Definition of the Technological Structure Level of in the Economy of the Region. *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Ekonomika* [Herald of the Chelyabinsk state University. Economy], 2010, no. 2 (183), issue 23, pp. 52–58. (In Russian).
16. Naumov A.S. Regional Paradygm in the Agricultural Geography of the World: History and Present. *Regionalnye Issledovaniya – Regional research*, 2015, vol. 2, pp. 15–25. (In Russian).
17. Novikov D.V. Modern Russia as Society of Peripheral Type. *Istoricheskie, Filosofskie, Politicheskie i Yuridicheskie Nauki, Kulturologiya i Iskusstvovedenie. Voprosy Teorii i Praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2012, no. 10-1, pp. 126–131. (In Russian).
18. North D.C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Moscow, 1997, 180 p.
19. *Fundamentals of Regional Studies*. Edited by I.N. Barygin. Moscow, 2007, 399 p. (In Russian).
20. Radaev V.V. New Institutional Approach: The Construction of a Research Scheme. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya – Economic Sociology*, 2001, vol. 2, no. 3, pp. 5–26. (In Russian).
21. Romanov M.T. *Territorial Structure of the Economy and Population in the Russian Far East*. Vladivostok: Dalnauka, 2004, 232 p. (In Russian).
22. Skufyina T.P. Socio-Economic Differentiation of Space: Inconsistencies Between the Theory and Regulation Practice. *Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz – Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2013, no. 6, pp. 60–68. (In Russian).
23. Turovskiy R.F. *Political Regionalistics*. Moscow: State University – Higher School of Economics, 2006, 780 p. (In Russian).
24. Khodachek V.M. Transformation of Territorial Arrangement of National Economy. *Upravlencheskoe Konsultirovanie – Administrative Consulting*, 2009, no. 3, pp. 137–153. (In Russian).
25. Hodgson G. *Economics and Institutions: A Manifesto for a Modern Institutional Economics*. Moscow, 2003, 464 p. (In Russian).
26. Shabrov O.F. *Political Governance: the Problem of Stability and Development*. Moscow, 1997, 200 p. (In Russian).
27. Shvetsov A.N. Transformation of Socioeconomic Space: The Role of the State. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2015, no. 1, pp. 38–61. DOI: 10.14530/se.2015.1.038-061. (In Russian).